

Аносов Б. А.

Особенности этногенеза уйгурского национального меньшинства на территории современной КНР

Anosov B. A. Features of the Ethnogenesis of the Uyghur National Minority on the Territory of the Modern PRC

Уйгурский вопрос особенно актуален на протяжении последних нескольких лет. На него обращают внимание прежде всего западные демократические страны. В настоящей статье рассмотрена предыстория возникновения современного уйгурского вопроса в Китайской Народной Республике (КНР). Предпринята попытка изучить и обобщить предыдущие исследования, посвященные этой теме, а также выявить факторы, влияющие на замедление успешного решения центральным правительством КНР данного вопроса.

Ключевые слова: уйгуры, этнос, КНР, СУАР, этногенез, ханьцы, ислам.

The Uyghur issue has been an extremely topical topic for the past few years, which has been paid attention, first of all, by Western democratic countries. This article examines the prehistory of the emergence of the modern Uyghur issue in the PRC, an attempt is made to investigate and summarize previous studies on this topic, as well as to identify the factors that slow down the successful solution of this issue by the central government of the PRC.

Keywords: Uighurs, ethnos, PRC, XUAR, ethnogenesis, Han people, Islam.

Уйгуры — это тюркский коренной народ Восточного Туркестана, ныне Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) Китая. Первые достоверные исторические сведения о проживании уйгуров на территории современного СУАР относятся к концу V века н. э., что позволяет заявлять о том, что уйгуры являются автохтонным этносом для Синьцзяна (新疆, дословно с китайского переводится как «новая граница»). История совместного проживания уйгуров и ханьцев на территории Синьцзяна имеет периоды и мирного сосуществования, и жесткой конфронтации. Участие ханьцев в уйгурском этногенезе неоспоримо, как и неоспорим факт фенотипического, культурного и бытового различия этих двух этнических групп.

Вопрос этногенеза уйгуров считается крайне сложным, поскольку сегодня данную этническую группу принято считать коренным населением на территории СУАР. Однако у разных исследователей разные мнения по вопросу территории этногенеза уйгурского этноса. Некоторые ученые считают, что территорией этногенеза ряда центральноазиатских этносов (в том числе уйгуров, казахов, киргизов и др.) является Восточный Туркестан [1].

Уйгуры относятся к древнейшим центральноазиатским племенным союзам, а их язык — к тюркской группе алтайской языковой семьи. Они исповедуют исламскую религию суннитского толка (на ранних этапах распространения ислама уйгуры принадлежали к секте суфизма). По мнению Е. С. Баженовой и

Аносов Борис Андреевич — младший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Центра азиатско-тихоокеанских исследований (сектора экономики и политики Китая).

© Аносов Б. А., 2021

А. В. Островского, в процессе этногенеза уйгуров принимали участие несколько древних народов: саки (восточно-иранская языковая группа), юэчжи (иранский народ в Центральной Азии), цяны (племена древнетибетской языковой группы, проживавшие на северных отрогах Куньлуня) и обитавшие в Турфанской долине ханьцы [2]. Уйгурские племена вели оседлый образ жизни, в основном занимаясь земледелием.

Существует «токуз-огузская» проблема в этногенезе уйгуров [3]. Токуз-огузы — это кочевые племена, располагавшиеся в Центральной Азии в VI–IX вв. История данной этнической группы восходит к племени *гаоцзюй* или *гаогюй* (高車 в переводе — «высокие телеги»), которое проживало на территории современной Монголии. В конце V в. гаоцзюй, отвоевав территорию у Жужаньского каганата (330–555 гг. н. э.), создали собственное государство, название которому дали китайцы. Дословно оно переводится как «высокие телеги». Племя гаоцзюй было лояльно к китайцам, рассчитывая получить шелк на одежды [4], поэтому перекочевало на территорию современного Турфана (восточная часть СУАР, юго-восточное предгорье Тянь-Шаня).

Существуют две версии этногенеза токуз-огузов: огузская и уйгурская. Исследователи, поддерживающие огузскую версию, отождествляют огузов (самоназвание племенного союза гаоцзюй [5]) и токуз-огузов, считая последних частью огузских племен. Однако большая часть уйгуроведов [3] признают токуз-огузов и уйгуров одной этнической группой, утверждая, что огуз — этнический термин, а уйгур — политический.

Одним из первых государств, объединивших тюркские племена, можно назвать Тюркский каганат, созданный в 552 г. к северу от территории современного Китая, который к концу VI в. из-за вмешательства китайской империи Суй (581–618) и внутренних междоусобиц распался на восточную и западную части [6]. В середине VII в. территория современного Синьцзяна, называвшаяся китайскими императорами (III–VIII вв. н.э.) «западным краем» (кит. *си юй* 西域) [7], была захвачена китайской династией Тан (618–907). Китайский император после нанесенного им удара и поражения Восточно-тюркского каганата на несколько десятилетий получил контроль над опорными пунктами Великого шелкового пути.

В начале VIII в. уйгурские племена в современной Монголии и СУАР создали Уйгурский каганат, в который входили токуз-огузы, состоящие из девяти родов, басмалы, восточные карлуки и шесть телесских племен. В это же время на территории Восточного Туркестана начал распространяться принесенный из Средней Азии ислам. Образование уйгурского каганата способствовало дальнейшему переселению уйгурских племен на территорию нынешнего Синьцзяна. Во второй половине IX в. на территории Восточного Туркестана было создано Уйгурское Турфанское идыкутство с центром в Турфане. «Идикут» или «идыкут» — титул правителя (дословный перевод — «святое блаженство») [8]. К концу первого тысячелетия уйгуры осели в районах Яньци, Турфана и Джимсара (кит. 焉耆 Яньци, 吐魯番 Тулуфань, 吉木薩爾 Цзимусаэр).

В начале XIII в. в ходе завоеваний Монгольской империи уйгурский идикут заявил о покорности монгольскому хану и попал в вассальную зависимость. В 1227 г. после смерти Чингисхана (1162–1227) большая часть Уйгурского идыкутства попала в улус его второго сына, Чагатая (1185–1242), восточные земли (Турфан и Кумул) оказались в зависимости от третьего сына Чингисхана, Угэдэя (1186–1241).

Господство монголов на территориях Восточного Туркестана плохо сказалось на состоянии экономики и культуры региона: города беднели и опустошались, а

торговые связи с соседними государствами ослабевали [9]. В этот период продолжилась ассимиляция уйгуров с киданями и монголами [10]. В середине XIV в. образовано государство Могулистан, которое в 1368 г. захватило Турфан и уничтожило Турфанское идыкутство.

Большинство исследователей сходится во мнении, что племена и государства на территории современного СУАР имели связи не только с монголами, но и с китайскими династиями. По мнению А. В. Островского, в XVI–XVII вв. между Яркендским ханством и династией Мин (1368–1644) существовали тесные политические и хозяйственные связи [2]. В Белой книге о борьбе с терроризмом и экстремизмом и защите прав человека в Синьцзяне (кит. 新疆的反恐、去极端化斗争与人权保障 白皮书 «Синьцзян дэ фанькун, цюй цзидуаньхуа доучжэн юй жэньцюань баочжан» байпишу) приведено упоминание об учреждении династией Мин в Хами (кит. 哈密地 Хамиди) (северо-восток Синьцзяна) гарнизонного командования для управления местными делами [11].

В конце XVII в. в результате первой ойратско-маньчжурской войны (1690–1697) Хамийский бек Абдула в конце XVII — начале XVIII в. первым открыто выступил против джунгарской администрации, которая правила в тот период к северу и югу от Тянь-Шаня. Абдула объявил о признании власти династии Цин (1636–1912). Потомки Абдулы получали от китайских императоров грамоты о титуловании и печати, свидетельствовавшие о признании их полномочий центральным правительством Китая [12].

После третьей ойратско-маньчжурской войны (1755–1759), когда войска династии Цин разгромили Джунгарское ханство, ускорился процесс признания вождями западных царств на территории Китайской империи центрального правительства [13]. Для укрепления собственной власти цинское правительство в 1762 г. учредило должность Илийского генерал-губернатора (總督 *цзунду*), в ведении которого находилась военно-административная деятельность в западных регионах империи. Однако до конца правления цинской династии в районах компактного проживания уйгуров сохранилась традиционная для их социально-политического уклада феодально-бюрократическая система беков (феодалов-чиновников, чья власть переходила от отца к сыну).

Присутствие властей центрального китайского правительства в Восточном Туркестане не устраивало местное население. Результатом народного недовольства стали восстания в 1816 г. (первое восстание, и, хотя его успешно подавило китайское правительство, народ смог убедиться в недостаточной прочности цинского правительства), 1825–1827 гг., 1830 г., 1847 и 1857 гг. Кризис в китайской империи в середине XIX в. еще более углубил классовые противоречия в регионе и позволил местному населению вести антиправительственную борьбу, поскольку фокус внимания цинского правительства был смещен в другие регионы.

Самым крупным восстанием считается Кучарское восстание 1864 г., охватившее обширные территории Синьцзяна. Его результатом стало образование независимого государственного владения (1865–1877) Якуб-бека (1820–1877) [14] (Йеттишар), который смог захватить Кашгар и Урумчи. В его государство входила вся территория современного Синьцзяна кроме Илийского края. По мнению А. В. Островского, правительство Якуб-хана было интервенционистским [2].

В 1875 г. цинское правительство организовало «западный поход» Цзо Цзунтана (左宗棠, 1812–1885). Войска Цзо Цзунтана сначала захватили Урумчи, к 1877 г. были захвачены практически все территории Йеттишара. В 1877 г. Якуб-бека взяли в плен, и после его смерти Йеттишар распался на три государства, что позволило Цзо Цзунтану подавить антиправительственные настроения на территории Синьцзяна. «Западный поход» по большей части был спонсирован

не цинским правительством, а английскими банками, которые преследовали интерес ослабления Российской империи в Средней Азии в рамках так называемой большой игры Британской и Российской империй за господство в Южной и Центральной Азии в XIX — начале XX в. [15].

Войска Цзо Цзунтана подошли к Илийскому краю, находившемуся под властью Российской Империи с 1871 г., когда российские власти, не признавая власть Якуб-хана, подавили мятежников в Илийском крае, с обещанием передать данную территорию цинскому правительству, если Якуб-хан потерпит поражение [16]. В 1879 г. подписан Ливадийский договор. Однако китайское правительство его не ратифицировало, и в 1881 г. подписан Петербургский договор, по которому Россия передавала Китаю Илийский край [17].

В 1884 г. цинский император Цзайтянь (愛新覺羅載湉, 1871–1908, правил в 1875–1908 гг.) издал указ, по которому Синьцзян стал китайской провинцией с центром в городе Дихуа (迪化, ныне г. Урумчи). Генерал-губернатором провинции назначен Лю Цзиньтан (劉錦棠, 1844–1894) [18], принимавший активное участие в «Западном походе» при осаде и захвате Турфана [19].

Включение Синьцзяна в китайскую империю военным путем, а также внутривосточные процессы региона в начале XX в. привели к активизации недовольства уйгурского населения. Туркестанское восстание в Российской империи 1900–1901 гг. повлекло за собой поток мусульманских беженцев на территорию Восточного Туркестана, что привело к увеличению протестной базы региона. По мнению китайского правительства, именно в начале XX в. ничтожное число синьцзянских раскольников и религиозных экстремистов под влиянием мирового религиозного экстремизма и национального шовинизма решило политизировать нестандартное географическое название «Восточный Туркестан» и выдумало некую «идейно-теоретическую концепцию» о «независимости Восточного Туркестана» [11]. Целью данной социальной группы, по мнению Пекина, являлось создание теократического государства и написание собственной истории без истории «создания великой родины всеми национальностями Китая».

После Синьхайской революции, когда Ян Цзэнсинь (楊增新, 1859–1928) стал губернатором, в 1912–1913 гг. на территории Синьцзяна прокатилась волна восстаний в Ечэне, Яркенде и Хотане. Особенно активными были восстания в Хами (Кумуле). Предводителем восстания стал Тимур Халпа, которого вскоре отравили на банкете Ян Цзэнсиня, посредника между китайским правительством и бунтующими. В восстаниях принимал участие и Ходжа Нияз (1889–1941), будущий президент Первой Восточно-Туркестанской республики, бежавший после отравления Тимура Халпы в Россию.

В 1920-е гг. Советская Россия начала интересоваться внутренними делами Синьцзяна. Некоторые члены большевистской партии выступали за создание Кашгарской и Джунгарской советских республик. В 1921 г. на конференции в Ташкенте, куда были приглашены делегаты со всего Синьцзяна, для сплочения этнических групп региона предложено ввести единый этноним для населения Синьцзяна — уйгуры. В тот момент данный этноним был отвергнут большинством делегатов, которые предпочитали называть себя тюрками [10]. После убийства Ян Цзэнсиня в 1928 г. губернатором Синьцзяна стал этнический ханец Цзинь Шужэнь (金樹仁, 1879–1941), проводивший неудачную политику, приведшую к ухудшению социально-экономической обстановки: политика китаизации региона и насильственное сближение с китайским правительством в Нанкине, запрет на участие в хадже, упразднение Хамийского ханства в 1930 г. и учреждение двух уездов во главе с ханьцами, которые грабили и разоряли местное население, особенно уйгуров [20].

В апреле 1931 г. в Синьцзяне началось Кумульское восстание, поводом к которому стала попытка этнического ханьца силой овладеть девушкой-уйгуркой [21]. Главой восстания был Ходжа Нияз, в 1927 г. вернувшийся в Кумул, и Юлбарс-хан (1889–1971). Поддержал восстание Ма Чжунин (馬步英, 1910–1936). Он направился с дунганской дивизией в Синьцзян, чтобы помочь восставшим. Осенью 1931 г. произошли первые столкновения между восставшими и бывшими белогвардейцами, стоявшими на службе у китайского правительства (в городах Турфан и Хами), в результате которых повстанцы отступили.

С самого начала восстания в нем пытались участвовать иностранные державы с целью противодействия СССР в регионе Синьцзяна. Япония после оккупации Маньчжурии предпринимала попытки расширить свое влияние и на северо-запад Китая, выступала за созыв мусульманского съезда и обсуждение проблемы Восточного Туркестана. Англия также ратовала за независимость Восточного Туркестана и создание региона напряженности относительно СССР. Для СССР обострение ситуации в Синьцзяне было крайне невыгодным: усиление позиций Англии и Японии в регионе; национально-освободительное движение в Синьцзяне могло повлиять на социальную стабильность в советских центральноазиатских республиках [22]; советские отношения с губернаторами Синьцзяна были крепкими, все из них лояльны советскому правительству. Поэтому СССР не был заинтересован в смене власти в регионе. Тем не менее советское правительство оказало помощь восставшим, перебросив несколько тысяч солдат.

В 1933 г., после захвата Кашгара, 12 ноября провозглашено создание Тюркской Исламской республики Восточный Туркестан (ТИРВТ, Первая Восточно-Туркестанская республика), премьер-министром которой стал Сабит Абдулбаки Дамулла (1883–1934), а президентом заочно избран Ходжа Нияз. Республика выработала собственную конституцию, построенную на принципах шариата. Во внешнеполитической доктрине упор был сделан на Турцию и Великобританию [23]. Социальной опорой республики стали крупные уйгурские торговцы, феодалы, а также духовенство [24].

ТИРВТ не была поддержана советским правительством, направившим «Алтайскую добровольческую армию», которая оказала поддержку губернатору Синьцзяна Шэн Шицаю (盛世才, 1895–1970) и разгромила войска Ма Чжунина. Последний в апреле 1934 г. бежал на территорию СССР (центральноазиатские территории). Ходжа Нияз также бежал в СССР, где в апреле 1934 г. подписал документы о ликвидации ТИРВТ.

Волнения в Синьцзяне 1931–1934 гг. стали маркером острой социальной напряженности в регионе. Территориальный и социальный масштаб восстания был огромным. Но из-за несогласованности этнических групп, узости взглядов лидеров движения, а также внешнего вмешательства СССР восстание не закончилось выполнением поставленных задач и водворением социальной стабильности. Данные события показали, что влияние СССР в регионе было крайне велико.

В 1933 г. Шэн Шицай опубликовал шесть принципов работы своего правительства, ярко отражавших влияние Советского Союза на регион. Среди них — борьба с империализмом, дружба с советским правительством, расовое и национальное равенство, борьба с произволом бюрократии, борьба за мир и строительство новой экономики Синьцзяна [25]. Однако подобная верность советскому правительству и марксистским принципам не устраивала население Синьцзяна.

С середины 1936 г. один из лидеров уйгурской общины, Мамут Сиджан, приступил к агитации за создание независимого уйгурского государства, а также к борьбе с правительством Шэн Шицай. К апрелю 1937 г. восстание в Синьцзяне достигло таких масштабов, что Шэн Шицай вновь обратился за помощью к со-

ветскому правительству. Для борьбы с шестой уйгурской дивизией, которая фактически подчинялась Мамут Сиджану, в Синьцзян «под видом проведения учений в горных лагерях» были направлены два советских полка [26]. Советские войска вновь помогли губернатору Синьцзяна подавить народные волнения.

События 1937 г. в очередной раз продемонстрировали прочность отношений Синьцзяна и СССР. Примечательно, что в то время у Синьцзяна была собственная валюта, стабильность которой обеспечивалась Госбанком СССР. В 1938 г. во время визита в Москву Шэн Шицай принят в ВКП(б), получив партийный билет № 1859118 [27]. Важно отметить, что советское правительство никогда не ставило своей целью отторгнуть Синьцзян от Китая [28]. Синьцзян всегда рассматривался как лояльная буферная зона, обладающая большими запасами природных ископаемых, как важный торговый партнер в Средней Азии.

Начало Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. изменило расстановку сил в регионе. Советское правительство, сфокусировавшись на западном фронте, начало сокращать военную помощь Синьцзяну. Правительство Шэн Шицай предпринимало меры к сближению с правительством Гоминьдана. С 1942 г. губернатор Синьцзяна начал вести антисоветскую кампанию: отстранение членов Коммунистической партии Китая (КПК) от занимаемых должностей в правительстве региона, запрет на мероприятия советско-китайских коммунистических организаций [29]. Шэн Шицай, дестабилизируя отношения с СССР, выступал за включение в диалог Чана Кайши как посредника между Урумчи и Москвой. В 1942 г. при невыясненных обстоятельствах был убит брат Шэн Шицай, Шэн Шици (盛世骥, 1901–1942) [30], после чего Москва и Урумчи обвинили друг друга в случившемся.

К 1944 г. в северных частях Синьцзяна (Илийском, Тарбагатайском и Алтайском округах) социальная нестабильность достигла апогея. Причиной некоторые исследователи считают тяготы начавшейся в 1937 г. японо-китайской войны (1937–1945), усиление политики дискриминации в регионе (в пользу ханьцев) и полное прекращение экономических связей с СССР [31], а также голод и эпидемии в деревнях.

В начале ноября 1944 г. вспыхнуло вооруженное восстание. Его поводом послужил указ правительства в Урумчи о поставке армии Гоминьдана десяти тысяч лошадей. Альтернативой предлагалось внесение в казну семисот синьцзянских юаней, хотя реальная стоимость лошадей была вдвое ниже [32]. К 15 ноября 1944 г. на территории трех вышеуказанных областей было провозглашено создание Восточно-Туркестанской республики (ВТР). Ее президентом стал Алихан Шакирходжаев (1885–1976), узбек по происхождению. В составе правительства находились также представители татарской и уйгурской этнических групп.

По мнению О. В. Зотова, основными пунктами программы правительства ВТР являлись ликвидация Гоминьдана; демократия и равноправие этнических групп; развитие промышленности и сельского хозяйства; укрепление систем образования и здравоохранения; дружба с СССР [33]. Советское правительство, согласно пункту № 3 приложения к китайско-советскому договору о сотрудничестве (о невмешательстве СССР во внутренние дела Синьцзяна), принуждало правительство ВТР к переговорам с Гоминьданом [34]. В середине 1946 г. между правительством Чана Кайши и правительством ВТР были подписаны положения о мирном урегулировании вооруженного конфликта («соглашение из 11 пунктов»), которые предусматривали создание коалиционного правительства.

К концу 1948 г. правительство Гоминьдана начало терпеть решающие поражения от КПК, а к лету 1949 г., когда гоминьдановцы были окончательно разгромлены, Мао Цзэдун назначил на осень созыв Народного Политического Кон-

сультационного Совета с целью провозглашения КНР. Мао Цзэдун объявил, что революция в трех округах Синьцзяна — часть всекитайской революции, и в Пекин была приглашена делегация из членов правительства ВТР. Маршрут делегации из Кульджи в Пекин проходил через Алма-Ату и Иркутск, чтобы у Ахметжана Касыми (второго президента ВТР) была возможность встретиться с советскими дипломатами, которых он хотел убедить в необходимости сохранения ВТР, а не вхождения в состав КНР [35]. 25 августа 1949 г. самолет с делегацией ВТР разбился в Забайкальском крае при невыясненных обстоятельствах. После смерти Ахметжана Касыми главой правительства ВТР стал Сайфутдин Азизов (1915–2003), который впустил войска Народно-освободительной армии Китая (НОАК) на территорию Синьцзяна, а ВТР была упразднена [36].

В отношении вопроса этногенеза уйгурского народа на территории современной КНР важно отметить роль ислама как доминирующей религии среди уйгуров. Ислам в Китае имеет специфические особенности: во-первых, в Китае распространены все три основных течения ислама (суннизм, шиизм и хариджизм); во-вторых, ислам имеет прочные связи с местными народными верованиями и традиционными китайскими религиями (буддизм, даосизм, конфуцианство) [37].

Согласно этнографическим исследованиям, проникновение ислама в Китай относится к началу эпохи Тан (VII–X вв.). Ислам проникал с северо-запада (через Синьцзян) и с юго-востока (через морской путь) [38]. К одним из первых памятников исламской культуры на территории современного Китая можно причислить мечеть в г. Сиань (середина VIII в.), которая позднее получила название Большой Сианьской мечети. В XIII–XIV вв. при монгольской династии Юань (1271–1368) в Китай наряду с воинами, торговцами и проповедниками активно переселялись представители мусульманской интеллигенции. Однако с приходом династии Мин (1368) многие мусульмане лишились привилегий.

При династии Юань всех приверженцев ислама в Китае начали называть «хуэй» (кит. *хуэй-цзу* 回族). В середине XX в. этим словом называли мусульман, которые ассимилировались в китайском обществе (прежде всего говорили на китайском языке), а также их потомков от смешанных браков. Вместе с тем выделялись остальные мусульманские этнические группы: уйгуры, татары, таджики, узбеки, халка, казахи, сала и баоани. Именно поэтому ислам в народе часто называют «учение хуэй» (кит. *хуэй-цзяо* 回教). Существует мнение, что при династии Мин проводилась политика насильственной ассимиляции мусульман [39].

Исламские каноны существенно отличались от устоявшегося образа жизни китайцев. Во времена династии Мин с целью решения языкового вопроса предприняли возможность перевода Корана на китайский язык. Взамен домашнему мусульманскому образованию при мечетях начали открываться школы (медресе). Календарь исламских праздников в дальнейшем постепенно подстраивался под китайский традиционный календарь.

Однако культурная дистанция между исламом и традиционным китайским укладом жизни по-прежнему сохранялась: мусульмане исключали из рациона свинину, которую китайцы привыкли употреблять в пищу в больших количествах, и алкоголь, присутствовавший в жизни большинства китайцев, кроме буддистов. В отличие от буддизма, ислам (как и христианство) в Китае был ригористичен и политически ангажирован [40]. В исламских странах юридический и экономический регламент социальной жизни основан на нормах шариата, которые распространяются на всех жителей общины, что для китайских мусульман особенно было важным, поскольку их социальная жизнь строилась вместе с ханьцами. Ислам использовался как механизм защиты собственных традиций и культуры в иноязычной общине.

По мнению А. Б. Захарьина, китайские мусульмане идентифицируются как «замкнутые в языковом и культурном отношении меньшинства». Он связывает это с тем, что китайские мусульмане имеют собственные языки, повседневные обычаи и исламские праздники. Кроме того, мусульмане фенотипически отличаются от ханьцев. Горизонтальные внутрисоциальные отношения между уйгурами и ханьцами в СУАР строятся на дихотомии «мы против них» [41]. Некоторые исследователи говорят об уйгурской «культурной травме», отрицающей возможность сближения и нахождения сторонами общих точек соприкосновения [42].

Уйгуры, будучи коренным этносом на территории современного Синьцзяна, бесспорно, имеют многовековую историю кооперации с ханьцами. Но сегодняшняя уйгурско-китайская риторика строится на том, что уйгуры помнят короткие исторические периоды, когда обретали независимость, а ханьцы при этом подчеркивают совместные исторические события, пытаясь не упоминать «сепаратистские успехи» первых.

XX в. показал, что накопившиеся противоречия между ханьцами и уйгурами не могут быть решены вследствие мирного компромисса. Подтверждением тому служат волны то ужесточения, то ослабления курса центрального правительства в регионе. Среди причин сложности решения уйгурского вопроса такими методами можно выделить следующие: огромная культурная дистанция, которая начала углубляться с 1949 г.; недовольство уйгуров насаждением китайских традиционных и социалистических ценностей. Важно отметить, что уйгурское сепаратистское движение уже вышло за границы Китая, что повлекло включение в проблему большого числа новых транснациональных акторов.

Огромную роль в формировании культурной и бытовой дистанции между уйгурами и ханьцами играл и играет ислам. Несмотря на то, что в КНР существует и другое исламское национальное меньшинство («хэуй»), уйгуры не смогли настолько ассимилироваться в китайском обществе, чтобы предотвратить конфронтацию с ханьцами. В трудах китайских ученых подчеркивается, что именно из-за отказа уйгуров полностью ассимилироваться в ханьском сообществе, они до сих пор остаются наименее «развитым» национальным меньшинством в КНР. Отличие уйгуров от ханьцев в пищевых правилах и привычках, обычаях, традиционных праздниках и укладе жизни лишь углубляло дистанцию между этносами, что нередко вызывало раздражение со стороны ханьского общества. Современные события в СУАР показывают, что вопрос интеграции уйгуров в китайское общество по-прежнему актуален и привлекает внимание мирового сообщества.

Литература

1. *Турсун Н.* Вопросы этногенеза уйгуров в китайской историографии: монография. 1997. 42 с.
2. *Баженова Е. С., Островский А. В.* Синьцзян — горизонты нового Шелкового пути. М.: Изд-во МБА, 2016. 276 с.
3. *Ховалыг У. Т.* «Токуз-огузская» проблема в истории изучения древних уйгуров Центральной Азии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История и филология. 2009. Т. 8. № 5. С. 21–27.
4. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М.: Айрис-Пресс. 2016. 560 с.
5. *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии: монография. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2005. 346 с.
6. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3 т. Т. 1. М., Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950. 382 с.

7. Санин К. С. Западный край Китая (к вопросу об истории восприятия Синьцзяна и Центральной Азии в Китае // Общество и государство в Китае: 47-я науч. конф. Т. XLVII. Ч. 1. Ученые записки Отдела Китая. Вып. 22. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2017. С. 207–216.
8. Каримова Р. У. Социально-экономические отношения и административное управление в городах Восточного Туркестана в IX–XIV вв. // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Серия: Общественные науки 2012. № 1. С. 52–57.
9. Бармин В. А., Дмитриев С. Д., Шматов В. Г. Синьцзян: очерк истории региона // Общество и государство в Китае: 46-я науч. конф. Т. XLVI. Ч. 1. Ученые записки Отдела Китая. Вып. 21. 2016. С. 209–244.
10. Белая книга. История и развитие Синьцзяна [Электронный ресурс] // Генеральное консульство КНР в г. Хабаровске. 2003. 27 мая. URL: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/xwdt/2003s/t117575.htm> (дата обращения: 04.02.2020).
11. В Китае опубликована Белая книга о борьбе с терроризмом и экстремизмом и защите прав человека в Синьцзяне [Электронный ресурс] // ИА Синьхуа. 2019. 18 марта. URL: http://russian.news.cn/2019-03/18/c_137904218.htm (дата обращения: 04.02.2020).
12. Сюэ Цзунчжэн. Синьцзян: этнографический очерк. Пекин: Межконтинентальное издательство Китая, 2001. 113 с.
13. История Востока. В 6 т. Т. 3. Восток на рубеже Средневековья и Нового времени. XVI–XVIII вв. / отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян, Н. И. Иванов. М.: Восточная литература, 2000. 696 с.
14. Тихонов Д. И. Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане // Советское востоковедение. Вып. V. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 155–172.
15. Дубровская Д. В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. 202 с.
16. Воскресенский А. Д. Генезис «Илийского кризиса» и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г. // Cahiers du Monde russe. 1994. Vol. 35. No. 4. 1994. P. 763–786.
17. Договор между Россией и Китаем об Илийском крае от 12/24 февраля 1881 г. // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. СПб.: Издание Министерства иностранных дел, 1889. С. 225–237.
18. 乾隆皇帝把这片土地命名为“新疆”，取因“故土新归”之意 (Император Цяньлун вернул земли под названием Синьцзян) [Электронный ресурс] // Байду. 2018. Февраль. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1592976990798852267&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 04.02.2020).
19. Вольнец А. Н. Деревянные пушки Китая. Россия и Китай — между союзом и конфликтом. М.: Эксмо, Яуза, 2017. 446 с.
20. Буяров Д. В. Национальное движение коренных народов Синьцзяна в 1931–1934 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 11-1 (49). С. 25–27.
21. Andrew D. W. Forbes. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 376 p.
22. Бармин В. А. Советский Союз и Синьцзян. 1918–1941 гг.: региональный фактор во внешней политике Советского Союза. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1998. 191 с.
23. Кузнецов В. С. Панисламизм в Китае // Общество и государство в Китае: науч. конф. Т. XXIV. Ч. 1. М., 1993. С. 130–132.
24. Клинов А. С. К вопросу о событиях в Синьцзяне в начале 1930-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 1. С. 124–137. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-124-137
25. Бармин В. А. Нераскрытые тайны дунганского «Бонапарта» (о роли советского фактора в судьбе руководителя повстанческого движения коренных народов Синьцзяна 1931–1934 гг. Ма Чжунъина) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4-2(76). С. 27–35.
26. Окороков А. В. В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М.: Вече, 2013. 334 с.
27. Бабушкин А. В. Уйгурский вопрос в советско-китайских отношениях 1930–1940-х гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX Междунар.

- науч.-практ. конф. / отв. ред. А. В. Друзяка. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2019. С. 21–24.
28. Желобцов Ф. Ф. События в Синьцзяне — угроза международной безопасности в Центральной Азии // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2010. Т. 7. № 2. С. 94–99.
29. Волкова И. В. Провинция Синьцзян в советско-китайских отношениях // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 3. С. 20–24. DOI: 10.30853/manuscript.2019.3.3
30. Letter from Governor Shicai Sheng to Cdes. Stalin, Molotov, and Voroshilov [Электронный ресурс] // Digital Archive. 1942. Май. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121902.pdf?v=986ff90834bed35e4c8ab994f0069500> (дата обращения: 15.04.2020).
31. Бармин В. А. К вопросу о роли и значении этнического сепаратизма в национально-освободительном движении коренных народов Синьцзяна 30-х — 40-х гг. XX в. // Востоковедные исследования на Алтае. 2014. № 8. С. 159–164.
32. Поликарпов И. А. Позиция Советского Союза в отношении национально-освободительного движения в Синьцзяне в 1944–1945 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-2 (68). С. 178–181.
33. Зотов О. В. Восточный Туркестан (Синьцзян) — страна «латентного ислама» // Россия и мусульманский мир. 2006. № 6. С. 153–165.
34. Мавлонова А. С. Основные направления политики России в Синьцзяне // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2013. № 3. С. 52–59.
35. Стариков Н. В. Геополитика. Как это делается. СПб.: Питер, 2017. 363 с.
36. Эпитэйн В. А., Бочков Д. А. Политика КНР по интеграции Синьцзян-Уйгурского автономного района: 1949–2018 гг. // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 6. С. 1442–1454.
37. Аниховский С. Э., Ли Синь. Конфессиональное своеобразие китайского ислама // Религиоведение. 2010. № 1. С. 47–54.
38. Захарьин А. Б. Эволюция мусульманского образования в Китае // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2010. № 4. С. 56–70.
39. Трансформация традиций хуэйцев в начале династии Мин (по материалам надписи на каменной стеле «Установление фамилии господина Пу из западных земель Китая») [Электронный ресурс] // Synologia.ru. 2009. Декабрь. URL: <https://urlid.ru/c2uo> (дата обращения: 16.04.2020).
40. Захарьин А. Б. Ислам в Китае. Религия и власть // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2012. № 4. С. 38–47.
41. Понька Т. И., Шлентова А. Е., Ивашкевич А. А. Этнические и культурные аспекты уйгурской идентичности в регионе Синьцзян // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 1. С. 34–43. DOI: 10.22363/2312-8127-2019-11-1-34-43
42. Ананьина Д. А. К проблеме определения этнокультурной идентичности уйгуров в условиях межэтнического конфликта в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2018. № 9. С. 195–201.

Контактные данные:

Аносов Б. А.: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23; (499) 120-4192; e-mail: anosovu@gmail.com.

Contact Details:

Anosov B. A.: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russia; (499) 120-4192; e-mail: anosovu@gmail.com.